

Триста лет назад, в феврале 1725 года, скончался русский царь и первый российский император, крупнейший преобразователь и реформатор Российского государства Петр I, прозванный потомками Великим. В историю Русской Церкви Петр тоже вошел как реформатор: своими указами он ликвидировал в Церкви патриаршество, установил правление Святейшего Синода, а формальное главенство над Русской Церковью закрепил за собой. Ответу на вопрос, как после этих преобразований существовала Русская Церковь с XVIII до конца второго десятилетия XX века, посвящено новое учебное пособие доктора исторических наук, профессора **С. Л. Фирсова** «История Русской Православной Церкви. Синодальный период», выпущенное Общецерковной аспирантурой и докторантурой имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. «Журналу Московской Патриархии» Сергей Львович рассказал о смысле церковной реформы Петра I, о жизни Церкви в синодальную эпоху и о церковно-общественном кризисе, которым эта эпоха завершилась.

Сергей Львович, почему у вас возник интерес именно к синодальному периоду Православной Российской Церкви?

Изучением синодального периода я стал заниматься более тридцати лет назад. Мои диссертации — кандидатская и докторская — были посвящены последнему периоду этой истории, а именно проблемам, связанным с церковно-государственными отношениями в царствование Николая II. Кроме того, я достаточно много внимания уделял царствованию императора Николая I в контексте истории Церкви. Меня также интересовали вопросы, связанные с отношением Церкви к Февральской революции и к последующим событиям революционного лихолетья. Таким образом, когда мне предложили написать учебное пособие, касающееся синодальной эпохи, я уже имел некоторое представление об основных тенденциях развития как самой Церкви, так и церковно-государственных отношений в Российской империи начиная от Петра Великого и завершая правлением императора Николая II.

Самодержавие не терпит двоевластия

Зачем проводилась церковная реформа? Правда ли, что сильная Церковь мешала Петру?

Петр не хотел сохранять старое церковное устройство, когда во главе Церкви стоял Патри-

арх, когда Церковь имела достаточно большую власть в империи, в государстве, которое de jure считалось православным. Неслучайно после смерти Патриарха Адриана († 1700) император просто остановил процесс избрания нового Предстоятеля Церкви. Для этого он опирался на содействие понимающего его задачи иерарха — Феофана (Прокоповича, † 1736). Был организован Святейший Синод, в дальнейшем получивший наименование еще и Правительствующего, начались церковные преобразования.

Духовный регламент, установленный вместо патриаршества Святейшим Правительствующим Синодом. 1721 г. (слева)

А. Матвеев. Портрет Петра I

Неизвестный художник. Портрет Стефана (Яворского), митрополита Рязанского и Муромского, Местоблюстителя Патриаршего Престола (в 1701–1721 гг.) (слева)

М. Платонов (?). Портрет Платона (Лёвшина), митрополита Московского и Коломенского, с учениками Вифанской семинарии. Начало XX в. ММДА «ЦАК». (справа)

Петр хотел иметь в лице церковных иерархов своих политических и идеологических союзников. Следует учесть, что царь не доверял русскому духовенству, и не случайно начиная с Петровской эпохи к управлению Церковью стали активно привлекаться иерархи из малороссийских земель.

Местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Стефан (Яворский, † 1722) был как раз выходцем из Малороссии, однако его затруднительно назвать безусловным идейным союзником царя-преобразователя. Хотя первоначально Петр думал, что в лице митрополита Стефана он такого человека нашел. Владыка обучался в Галиции, потом в Киево-Могилянской академии. В середине 1680-х годов перешел в униатство, продолжив образование в высших католических школах Львова и Люблина, Познани и Вильно. Там Стефану привили стойкое неприятие протестантизма, которое он сохранил до конца своих дней. В 1687 году он вернулся в Киев, принес покаяние, возвратился в лоно Православной Церкви, затем принял монашеский постриг, стал преподавать в Киево-Могилянской коллегии. Восемь

лет спустя Стефан стал игуменом Никольского пустынного монастыря, будучи в то же время ближайшим помощником митрополита Киевского Варлаама (Ясинского, † 1707). Выполняя поручение митрополита, желавшего получить благословение тогда еще здравствовавшего Патриарха Адриана на учреждение Переяславской епархии и добиться от него хиротонии для этой епархии архиерея, игумен Стефан в начале 1700 года отправился в Москву. Там он волею случая произнес надгробное слово по скончавшемуся 2 февраля первому русскому генералиссимусу А. С. Шеину. Речь произвела большое впечатление на царя, тот приказал игумену Стефану остаться в Москве, запретив возвращаться в Киев. Именно Петр настоял на скорейшей епископской хиротонии отца Стефана, и уже спустя полгода после кончины Патриарха Адриана владыка Стефан стал Местоблюстителем Патриаршего Престола. На этом примере мы видим, что для Петра было очень важно найти просвещенных иерархов, которых он и видел в лице малороссийских монахов.

Впрочем, достаточно скоро Петр понял, что митрополит Стефан не годится на роль провод-

ника идей церковного реформирования, тем более что сам царь симпатизировал протестантизму. Как известно, митрополит Стефан не стал идеологом церковного реформирования «в духе Петра», хотя достаточно много сделал для развития духовного образования в Русской Церкви. Ну и его церковно-административная деятельность в качестве Местоблюстителя была ограничена. В большинстве духовных дел он должен был совещаться с собором епископов, а о важнейших делах и предполагавшихся инициативах в обязательном порядке докладывать царю, неизменно следовавшему курсу на полное подчинение церковного управления своему контролю. Самодержавие не терпит двоевластия. Митрополит Стефан эту простую мысль понял не сразу (если, конечно, понял).

Почему Местоблюститель, а затем первенствующий член Святейшего Синода, а не Патриарх? Почему император не мог взаимодействовать с Патриархом?

Можно только высказать предположение. Полагаю, что слово «Патриарх» само по себе уже напоминало Петру о неких прерогативах Православной Церкви, о правах Православной Церкви в государстве и об обязанностях православного государства по отношению к Церкви, следовать которым в полной мере царь не желал.

Почему Петр выбрал именно такую модель церковного устройства?

Петр не сразу пришел к идее организации Синода как некоего «коллективного Патриарха». В 1718–1719 годах он больше, чем когда-либо, был озабочен разрешением вопроса об изменении системы церковного управления в России, поводом к чему стали непредумышленные действия Местоблюстителя Патриаршего Престола, который летом — осенью 1718 года проживал в Петербурге. Именно тогда митрополит Стефан подал царю прошение, желая возвратиться обратно в Москву. В прошении он обозначил ряд вопросов. Как ему жить в Петербурге без своего дома? Как управлять из новой столицы Московской и Рязанской епархиями? Как вызывать архиереев, где их размещать на жительство? Как замещать пустующие кафедры? Раздраженный Петр написал на прошении (составленном в форме доклада) среди прочего, что, например, «для рязанских дел надлежит епископа устроить... а для лучшего впрядь управления мнится

быть удобно Духовной коллегии, дабы удобнее такие великие дела исправлять было возможно». Так появляется выражение «духовная коллегия». Вероятно, после этого царь и поручил епископу Феофану (Прокоповичу) составить законодательный акт, который бы окончательно ликвидировал патриарший строй церковного управления.

Стремление установить коллегиальное устройство — не только результат недовольства Петра конкретными православными иерархами. В учреждении Синода значительную роль сыграло убеждение царя в том, что «общего блага», процветания и благополучия страны можно достичь только одним путем: необходимо использовать строго функциональный принцип управления с центральными учреждениями, специализирующимися на какой-либо одной сфере государственного хозяйства. А кроме того, организовать внутреннее устройство этих учреждений на основе коллегиальности, четкой регламентации обязанностей чиновников, глубокой специализации канцелярского труда. Кстати, для этого Петр еще в 1718–1720 годах ввел коллегии, подотчетные Сенату, а в 1719 году реформировал местную администрацию. Таким образом, появление Духовной коллегии, вскоре переименованной в Святейший Синод, было не случайным, а в определенной степени закономерным этапом общереформаторских действий царя.

Духовный регламент, написанный епископом Феофаном, имел целью стать документом, в котором воля самодержавного монарха на церковное управление нашла бы полное выражение. Примером в этом могли послужить германские протестантские князья, распространявшие свою светскую и одновременно духовную власть на принадлежавшие им территории.

Насколько сильным было влияние католицизма и протестантизма на Православную Церковь в XVIII веке? Как оно отразилось на православной идентичности Русской Церкви?

Ни о каком изменении идентичности речи быть не может. В тот период Русская Церковь еще не имела своей устоявшейся богословской школы, но имела многовековую православную традицию, нарушить которую не мог даже царь. Русская богословская школа формировалась

постепенно на протяжении всего XVIII века. Появились и первые русские церковные историки. Одним из них был митрополит Платон (Лёвшин, † 1812), московский архиерей, составивший первый учебник по русской церковной истории. Отечественные богословы, безусловно, опирались на католическую критику протестантизма и на протестантскую критику католицизма, но делать выводы о глобальном влиянии католичества или протестантизма на русское православное богословие, на мой взгляд, не стоит.

Как отреагировало общество на столь радикальный слом церковной системы?

Жизнь основной массы православных христиан — крестьян — глобально не изменилась. Другое дело — православные иерархи, многие из которых не сочувствовали изменениям в строе церковного управления. Некоторые из них в XVIII веке пострадали и даже поплатились жизнью.

Неизвестный художник.
Портрет
схиархимандрита
Паисия
(Величковского,
1722–1794).
Конец XVIII века.
ММДА «ЦАК».

Следует также отметить, что в Петровскую эпоху подверглись определенной деформации традиции «бытового благочестия» русского дворянства. Да и в целом облик русской аристократии со времен Петра постепенно изменился. Православная вера, разумеется, сохранялась, но «формы» дворянской жизни чем дальше, тем меньше были сопряжены с православной традицией. Особенно это стало ясно через несколько десятилетий после смерти Петра, в эпоху правления его дочери Елизаветы Петровны, а потом и в «славный век» Екатерины II. Религиозные традиции сохранялись, но говорить о глубокой вере большинства представителей русской аристократии вряд ли возможно (хотя в ее рядах были и благочестивые люди, подвижники, для которых много значила молитва и которые искренне почитали монашеское делание). В качестве примера можно вспомнить историю последних лет жизни адмирала Федора Ушакова, ныне прославленного Православной Церковью в лике святых праведных воинов.

Повлияла ли церковная реформа на духовную жизнь русского общества? Можно ли сказать, что, например, в синодальный период духовная жизнь была на определенном уровне, а потом произошла деградация?

Именно в синодальный период, с конца XVIII века, мы видим постепенное становление и развитие старчества. Говоря об этом, следует упомянуть имя преподобного Паисия (Величковского, † 1794), оказавшего значительное влияние на многих православных подвижников России конца XVIII — начала XIX века. Считается, что преподобный Серафим Саровский — один из самых почитаемых русских святых — получил благословение на уход в Саров от затворника Китаевской пустыни старца Досифея, духовно связанного с обителем преподобного Паисия.

С синодальным периодом связано и духовное делание прославленных Оптинских старцев. На период имперского/синодального периода приходится церковное служение праведного Иоанна Кронштадтского. Не будем также забывать, что сотни новомучеников и исповедников Церкви Русской были воспитаны в традициях православного благочестия и в церковных школах именно в это время.

Сергей Львович ФИРСОВ (р. 1967), доктор исторических наук, профессор, специалист по истории Русской Церкви XIX–XX вв. Родился в Ленинграде в семье служащих. В 1991 г. с отличием окончил исторический факультет Ленинградского государственного университета. В 1991–1995 гг. — преподаватель (ассистент) кафедры истории культуры, государства и права ЛЭТИ (С.-Петербургский электротехнический университет). В 1994 г. защитил в Санкт-Петербургском филиале Института российской истории РАН диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук (тема «Православная Церковь и Российское государство в конце XIX — начале XX в. (Проблема взаимоотношений духовной и светской власти)»). В 1995–2000 гг. — старший преподаватель, доцент, профессор Центра переподготовки и переквалификации по филологии и лингвострановедению Санкт-Петербургского государственного университета (филологический факультет). В 1997 г. защитил в Санкт-Петербургском филиале Института российской истории РАН диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук (тема «Православная Церковь и Российское государство в 1907–1917 гг.: социальные и политические проблемы»). В 2000–2018 гг. — профессор кафедры философии религии и религиоведения Санкт-Петербургского государственного университета (философский факультет). С 2018 г. — профессор кафедры ЮНЕСКО Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. С 2009 г. по настоящее время — профессор кафедры церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии. С 2011 г. — член Общецерковного докторского диссертационного совета Русской Православной Церкви. С 2015 г. — член Кандидатского диссертационного совета СПбДА. С 2016 г. — член Объединенного диссертационного совета Д 999.073.04 по теологии Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и Рос-

сийской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. С 2017 г. — член Диссертационного совета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета по богословию и церковной истории. С 2017 г. — член Экспертного совета исследователей религии при кафедре государственно-конфессиональных отношений РАНХиГС. С 2021 г. — член Диссертационного совета ДД212.199.38 по теологии Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена.

Было как бы «две Церкви»: официальная Церковь и Церковь подвижников и старцев. Это деление условно, мы проводим его искусственно, но тем не менее можем говорить об официальной церковности, с одной стороны, и о православной религиозности народа — с другой. Со временем изменялось само сознание общества, как его образованной части, так и русских императоров. Если о религиозности Петра еще могут вестись какие-то споры, то о религиозности, например, императора Александра Третьего и особенно святого императора Николая Второго никаких споров быть не может в принципе.

В синодальный период появляется русское богословие и его яркие представители — например, великий русский иерарх, богослов и администратор святитель Филарет (Дроздов, † 1867), митрополит Московский и Коломенский. Другой пример — святитель Филарет (Амфитеатров, † 1857), митрополит Киевский, много сделавший для утверждения старчества и сам в конце жизни принявший схиму, — редкий случай, когда иерарх оставался правящим архиереем и в то же время был схимником. На пустом месте такие масштабные личности появиться не могли бы.

Неизвестный художник.
Портрет митрополита Московского и Коломенского Филарета (Дроздова). Середина XIX в. ММДА «ЦАК» (слева)

Неизвестный художник.
Портрет императрицы Екатерины II. Конец XVIII – начало XIX в. ММДА «ЦАК» (справа)

Православный император — православная империя

Кто принимал решения в Церкви синодального периода и была ли она автономна? Или как строились ее отношения с государством?

Ни о какой автономии Церкви в Российской империи говорить не приходится. Церковь не была и не могла быть отделена от государства. Но само государство называло себя православным, это была православная империя, император не мог исповедовать никакой другой веры, кроме «Православной Кафолической Восточного исповедания».

Как вело себя государство по отношению к иерархам или к Святейшему Правительствующему Синоду? Естественно, государство преследовало свои политические выгоды. Петр начал активную политику секуляризации церковных земель, которую в дальнейшем продолжила и во многом, хотя и не во всем, завершила императрица Екатерина II. Безусловно, и Петр, и его ближайшие наследники с подозрением относились к монахам, не считая их деятельность чем-то исключительно важным. Число монахов и монастырей сокращалось. Оно станет расти только в XIX веке — постепенно. В XVIII же веке

мы видим упадок и закрытие монастырей, расформирование обителей.

Но это было не из-за антиклерикальных настроений венценосцев, а из-за их политической корысти. Они считали первостепенным решение политических задач и использовали для этих целей и Церковь.

Кем себя видел император в Церкви, каково его место?

Император — помазанник Божий. Церковные деятели прекрасно это понимали и вовсе не стремились доказать, что император им как-то подчинен. Но помазывали на царство не империю — помазывали на царство императора. Митрополит Филарет (Дроздов) прекрасно это понимал и искренне воспринимал императора как помазанника Божия: «Народ — благоугождающий Богу — достоин иметь благословенного Богом Царя. Народ — чтущий Царя — благоугождает чрез сие Богу: потому что Царь есть устройство Божие. Как небо, бесспорно, лучше земли и небесное лучше земного, то так же бесспорно лучшим на земле должно быть то, что устроено по образу небесному, чему и учил Бог Боговидца Моисея: *виждь, да сотвориши по образу показанному тебе на горе* (Исх. 25, 40), то

есть на высоте боговидения» (из Слова в день рождения Благочестивейшего Государя Императора Николая Павловича 25 июня 1851 года). Таким было отношение митрополита Филарета к прерогативам самодержавной власти.

А каким было отношение царя, например, того же Николая I?

Если угодно — «функциональное», он не рассматривал власть как препятствие, например, всеобщему мультиконфессиональному христианскому братству. Православная Церковь для Николая I — прежде всего хранитель национального прошлого, защитник самодержавия от шедших с Запада вредных учений и революции. Абсолютизируя свою власть, император прекратил практику размещения царских портретов в храмах, считая это недопустимым; но в то же время он допускал в случае необходимости делать резкие замечания церковным иерархам, если считал, что те ведут себя (с его, государя, точки зрения) некорректно.

Император воспринимал себя в контексте диады: православный император — православная империя. Воспринимая себя как помазанников, русские самодержцы верили, что ответственны за все, что они делают на земле, только перед Богом, но не перед теми, кто находится в их подданстве.

Получается, Церковь императора обличить не могла?

Нет, хотя порой, например в эпоху Екатерины II, находились церковные деятели — достаточно вспомнить митрополита Арсения (Мацеевича, † 1772), прославленного во святых, — которые противились действиям самодержавных правителей России. Они позволяли себе порой резкие обличения в адрес самодержцев, за что их сурово наказывали. Самодержавие не терпит двоевластия, мы уже видели это.

В советские годы было закрыто и уничтожено множество храмов и монастырей — но такая же участь постигла Русскую Церковь при Екатерине II. Их перестраивали, разрушали. Что это был за период?

Екатерина II, действительно, проводила жесткую секуляризационную политику и в этом отношении была преемницей императора Петра. В 1764 году, то есть буквально через короткое время после вступления ее на престол, был окончательно выработан проект секуляризации

церковной собственности. На тот момент было 26 епархий — их сокращать не стали, выделив определенную (с учетом государственных интересов) сумму на их содержание.

Планировалось оставить 226 монастырей, которым предполагалось отпускать около 520 тысяч рублей в год, — это те, которые содержались за счет государства. А были сверхштатные монастыри, они содержались на свой счет, с помощью других средств. Ликвидация монастырей предполагала, например, их приписывание к другим обителям или приписывание их монахов к другим монастырям, то есть укрупнение.

До введения екатерининских штатов в России, не считая территории Малороссии, было 732 мужских монастыря и 221 женский. В итоге штатных монастырей осталось 238. Сверхштатными остались 182 монастыря: 177 мужских и 5 женских. Таким образом, из ранее существовавших 953 монастырей осталась только одна пятая часть.

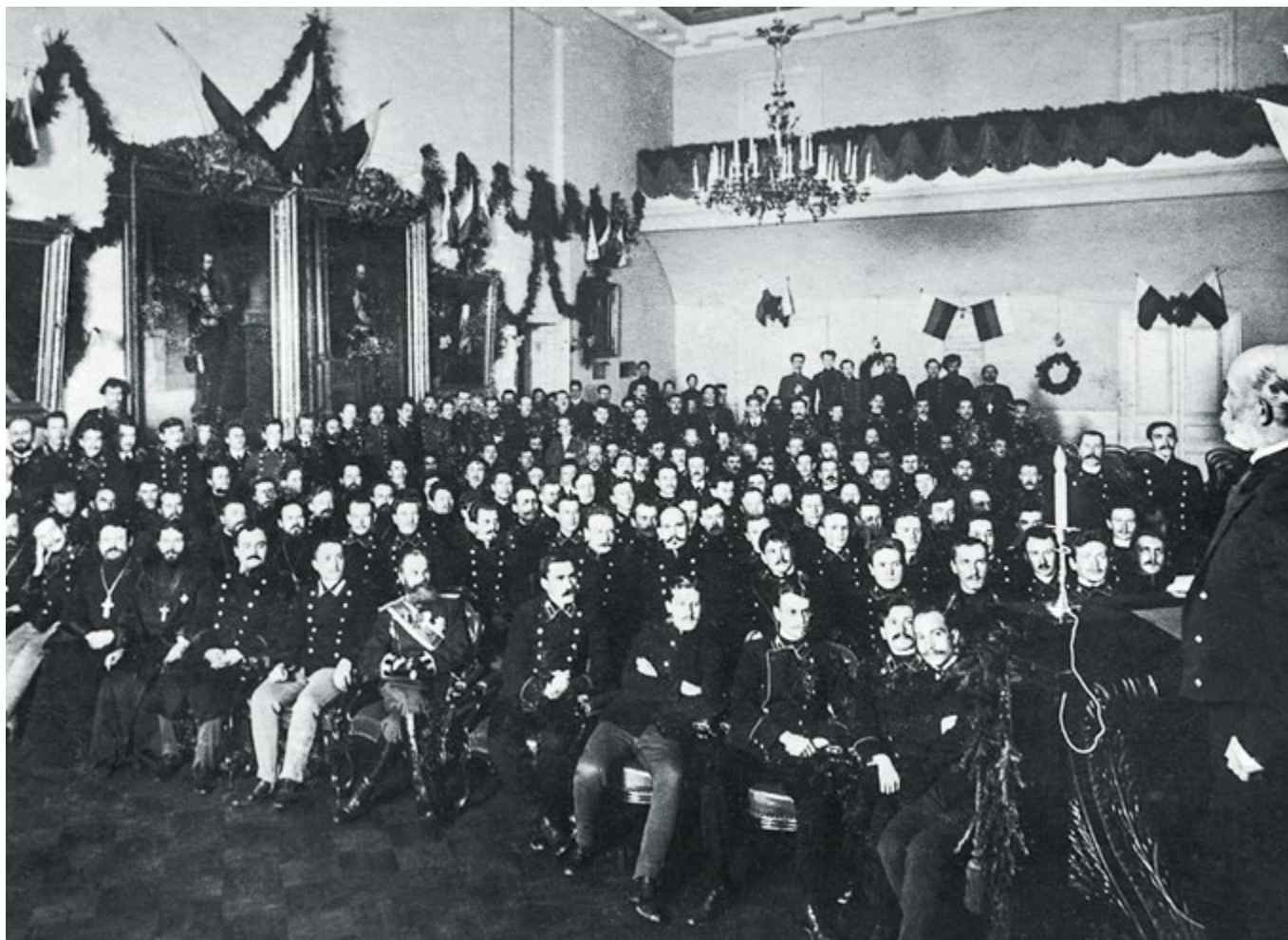
С XIX века, повторю, постепенно начинается рост числа монастырей, и к началу XX века их стало практически столько же, как до реформ Екатерины II.

Зачем Екатерине было необходимо сокращение монастырей? Она руководствовалась идейными соображениями, европейскими видами?

Это были не религиозные, а в большей степени экономические интересы. Все владения, ранее принадлежавшие и числившиеся за Святейшим Синодом, являвшиеся собственностью архиерейских домов и монастырей, поступали в казну и передавались Коллегии экономии. Всего, по данным ревизии 1763 года, у Православной Российской Церкви во владении было 8,5 миллиона десятин земельных угодий, на которых трудились и жили более 911 тысяч крестьян мужского пола. Вот из этого фонда бывших церковных владений Екатерина брала земли для раздачи своим фаворитам или известным государственным деятелям.

«Ведомство православного исповедания»

Почему именно в синодальную эпоху активно развивалась миссионерская деятельность, выстроилась система образования, сформировался административный

Студенты Санкт-Петербургской духовной академии. Выпуск 1891 г.

аппарат? Было бы это возможно при патриаршем управлении?

Духовное образование действительно в синодальный период достигло необычайной высоты. Так же, к слову, как и образование светское. Именно в имперский период был основан первый русский университет. В дальнейшем появляются и другие университеты на территории Российской империи, а также духовные академии. Растет — хотя неравномерно и не одномоментно — число средних учебных заведений, духовных семинарий. В начале XX века их в Российской империи было около 60, функционировали четыре духовные академии: Московская, Санкт-Петербургская, Киевская и Казанская.

Государство стремилось иметь образованных пастырей. Но при этом священнослужителей воспринимали и как представителей своего рода «духовной полиции». Со времен Петра архиереи давали специальную клятву на верность императору, который в присяге именовался

«Крайним Судьей духовной коллегии». Только в 1901 году эта клятва была фактически дезавуирована, просуществовав весь синодальный период. Конечно, «Крайним Судьей духовной коллегии» Святейшего Синода мог быть только Сам Господь Бог, а не император. Это все понимали. Но что было, то было.

К Святейшему Синоду был представлен светский чиновник — обер-прокурор. Власть обер-прокурора за имперский период тоже претерпевала изменения. В XVIII веке она не была всеобъемлющей, и императоры часто взаимодействовали с Синодом сами. По сложившейся традиции, первенствующим или первоприсутствующим членом Святейшего Синода являлся митрополит правящего града — Новгородский и Санкт-Петербургский. И часто правители, например Павел I, отчасти Александр I, обращались к нему больше, чем к обер-прокурорам.

Во второй четверти XIX века происходит усиление светской власти. Неслучайно тогда же входит в употребление и термин «ве-

домство православного исповедания». В ведомстве руководят чиновники, а главным чиновником был обер-прокурор Святейшего Синода. В эпоху императора Николая I, при графе Н. А. Протасове, власть обер-прокурора выросла. И его преемники были если не полновластными, то очень серьезными вершителями дел по духовной части. Именно через обер-прокурора императору подавались синодальные дела, обер-прокурор представлял их на суд императора.

Не имея голоса в Святейшем Синоде, обер-прокурор мог существенным образом влиять на принятие тех или иных решений. Порой сами члены Святейшего Синода, число которых, согласно Духовному регламенту, должно было быть равно 12, не всегда могли понимать, что именно светской власти от них нужно. Кстати, и число членов Святейшего Синода в разные времена было различным. Как правило, синодалов было гораздо меньше, чем 12, — при Анне Иоанновне бывало и три. Да и сам Духовный

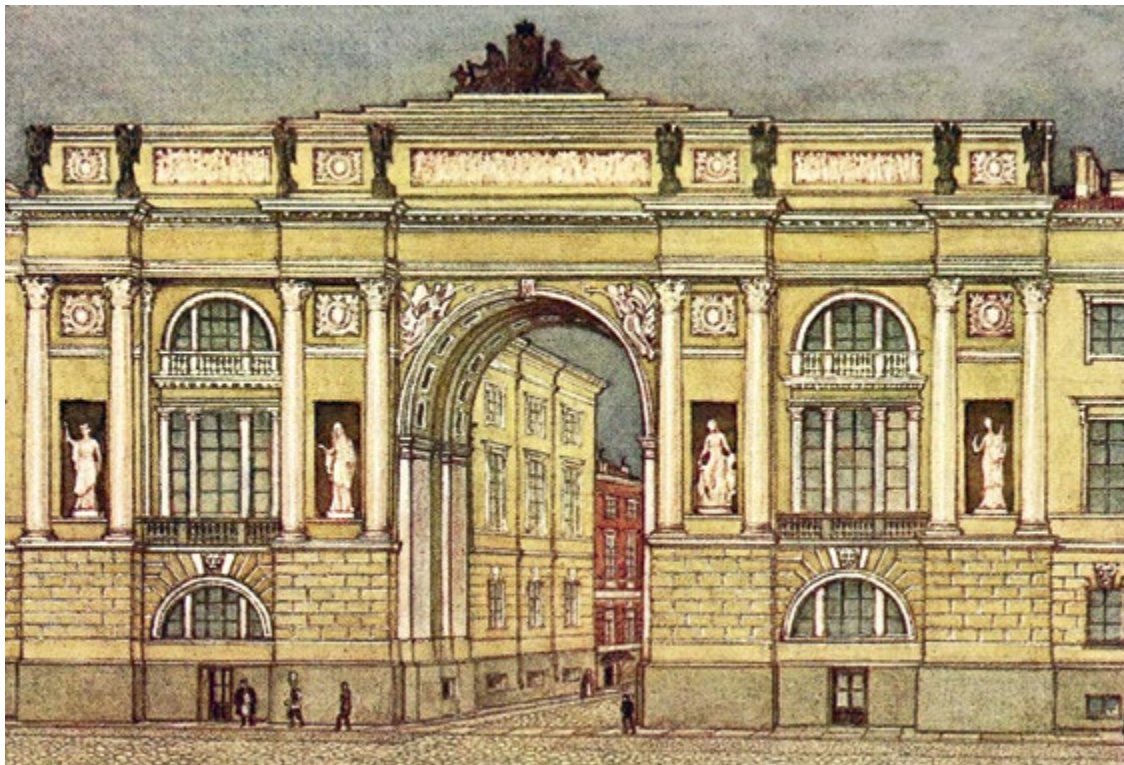
регламент полностью не исполнялся. Это был скорее ориентир, которого следовало придерживаться.

Однако политическая жизнь не всегда позволяла исполнять все то, что было написано в Духовном регламенте. Бывали случаи, когда те или иные иерархи имели значительно большее влияние на церковные дела, чем синодальные обер-прокуроры.

Были времена, когда иерархи находились под жестким контролем обер-прокурора, как это было в эпоху К. П. Победоносцева, более 25 лет занимавшего обер-прокурорскую должность. Человек глубоко верующий, он считал благом проведенные Петром изменения. Он полагал, что Петр сумел укрепить Церковь созданием Синода, а не ослабить ее. Поэтому Победоносцев был категорически против изменения строя церковного управления. И когда в 1905 году был поставлен вопрос о созыве Поместного Собора и избрании Патриарха, он выступил категорическим противником самой

*Выпуск 1908 г.
Санкт-Петербургской
духовной академии*

Г. К. Лукомский.
 Сенат и Синод.
 Открытка
 начала XX в.

идеи созыва Собора, ибо считал, что в результате новых реформ власть обер-прокурора будет существенно урезана и он превратится в своеобразного «юрисконсульта по церковным делам» при государе. А это, в свою очередь, поведет к ослаблению позиций Православной Российской Церкви в государстве.

На самом деле империя-то была православной. И соответственно, разделить Православную Церковь и православное государство с формальной точки зрения было невозможно. Тем более что, согласно букве закона Российской империи, император являлся верховным ктито-ром Церкви, то есть ее главным покровителем.

Дело было не в учреждении патриаршества и избрании Патриарха и даже не в статусе Патриарха в империи, а в его реальных полномочиях. Насколько Патриарх, был бы самостоятелен в принятии своих решений? Например, еще в Московской Руси, когда утверждали архиереев на кафедру, подавали три фамилии, и обычно утверждался тот, кто был указан первым. Традиции сохранились и в имперский период. Формально утверждал архиерея именно император и, как правило, того, кого ему подавали под первым номером. Отделение Церкви от государства привело бы к разрушению того фундамента, на котором была основана православная Российская империя.

С другой стороны, существовали, например, укрепившие свои позиции русские старообрядцы-поповцы, которые тоже имели трехчленную иерархию. Но в православном государстве не может быть двух Православных Церквей. Неслучайно в начале XIX века была упразднена самостоятельность Грузинской Православной Церкви — после включения Грузии в состав Российской империи. При этом Армянская Церковь не входит в семью Православных Церквей, поэтому армянский Католикос-Патриарх в империи существовал.

Почему сопротивлялись росту влияния староверов? Потому что они воспринимались как «свои», но «отколовшиеся». Дело было не в обряде, а в противлении церковной власти. И долгое время властители России считали старообрядцев разрушителями традиции, а не ее охранителями. Например, Николай I искренне полагал своей обязанностью бороться против «раскола старообрядчества». В результате старообрядцы-поповцы добились поставления своего епископа в начале 40-х годов XIX века, что только осложнило проблему.

Итак, Православная Церковь в России, с одной стороны, могла пользоваться мощью государства в борьбе против раскольников и еретиков, с другой — она же от этой мощи и страдала, потому что не могла реализовывать

в лице своих иерархов — членов Святейшего Синода те решения, которые считала необходимыми.

Конечно, и время наложило отпечаток на «политическое воспитание» самих архиереев. Со временем они привыкли к той форме церковного управления, которая начала складываться при Петре Первом. К XIX веку большинство архиереев не считали для себя возможным активно бороться против этой формы и/или кардинально менять ее.

Церковь не была оторвана от общества

Почему именно синодальная Церковь дала России новый расцвет монастырей и монашества, практики духовничества и старчества? Есть ли в этом связь?

Я думаю, что здесь нет прямой связи с развитием церковного управления. Мы можем гово-

рить об истории русской святости, об истории русского благочестия в синодальный период, о монашеском делании. С другой стороны, мы можем говорить об укреплении власти государства, довлевшего (когда было нужно) над Церковью и требовавшего исполнения тех предначертаний, которые государство считало для Церкви правильными.

Один из русских религиозных мыслителей, П. К. Иванов, живший на рубеже XIX–XX веков и скончавшийся в эмиграции в начале 1960-х годов, в своей книге «Тайна святых. Введение в Апокалипсис» писал, что Церковь в середине XIX века окончательно стала местом, куда приходили отдельные люди, а не братья и сестры во Христе. То, что называется Церковью, потеряло всякое влияние на общество. А Петр Константинович пережил 1917 год и оценивал синодальное прошлое с позиции человека, пытавшегося понять, можно ли было избежать

*Архимандрит
Вениамин
(Федченков),
ректор Тверской
семинарии,
с семинаристами.
1914 г. Тверь.
Фото из частной
коллекции
А. Лукьянчука*

большевистского погрома и как административная составляющая Церкви влияет на ее духовную сторону.

Действительно, к началу XX века Церковь переживала колоссальный кризис. В среднем в семинарии училось 50 человек. Из них на рубеже веков сан принимали всего 2–3 человека из выпуска. Уже перед революцией 1905 года были епархии, например Черниговская, где остро ощущалась нехватка священнослужителей, где один священник окормлял 2–3 церкви. Это начало XX века. Винить только синодальный период, со всеми его минусами, вряд ли возможно. Надо учитывать здесь много других проблем: социальных, экономических, политических.

Церковь оказалась связана с переживавшим кризис обществом. Наиболее яркие наши революционеры-нигилисты были выходцами из «духовного корня»: Чернышевский, Добролюбов...

Предтечи коммунизма.

Да. Притом русского коммунизма — это все-таки нечто другое. Это не марксизм.

В чем выражался кризис внутри Церкви на рубеже веков?

Большинство русских священнослужителей синодальной эпохи — сельские священники. Они жили достаточно бедно. Треть приходов к началу XX века не получала жалованья от государства. К слову говоря, среднее годовое жалованье священника от государства составляло 300 рублей, на это невозможно было прожить.

Наблюдая незавидную жизнь своих отцов-пастырей, их дети во второй половине XIX века чем дальше, тем чаще отказывались от пути священнического служения.

Если же говорить об архиереях, то многие из них не всегда обращали внимание на бытовые трудности своих клириков. Почему — вопрос открытый, особенно учитывая, что они, архиереи, в большинстве своем были выходцами из «духовного корня». То, что «князья Церкви» порой стояли далеко от пастырей, относились к ним высокомерно, замечали церковные публицисты еще в XIX веке.

Виновата ли Русская Церковь в русских революциях?

Обвинять Церковь в революциях, на мой взгляд, неверно. Революция происходит тогда, когда нерешенные властью «терапевтическим способом», то есть с помощью реформ, пробле-

мы решаются путем «хирургическим», то есть посредством смены политических и (часто) социальных институтов. И если искать виноватых в революции, то тогда надо обвинять всех вообще.

В любом случае революция — всегда ответ жестокий, часто несправедливый, порой абсурдный на незавершенные властью, но необходимые в конкретный момент реформы. Бывает и так, что проведение необходимых и болезненных реформ вызывает отторжение и тоже приводит к революции. Но это уже другой аспект.

Поэтому нельзя обвинять Церковь в том, что она плохо учила или недостаточно учила. Русское духовенство было одним из главных, если не главным учителем русского народа. Да и само оно постепенно развивалось, училось, совершая ошибки, исправляло их. И считать учителей виновными в том, что они не до конца и не так воспитали учеников, могут лишь неблагодарные потомки.

Почему к концу синодального периода в Русской Церкви возобладала тенденция к восстановлению патриаршества?

Разговоры о возможности восстановления патриаршества отчетливо стали звучать с эпохи Великих реформ императора Александра II. К концу XIX века этот вопрос стал обсуждаться в церковной публицистике, статьи по этому поводу стали публиковаться в разных журналах, в частности в «Богословском вестнике». Православные публицисты поднимали вопросы о необходимости реформ и церковного управления, и духовной школы, и даже церковно-государственных отношений.

Быть может, это связано как раз с тем, что наиболее дальновидные, умные и глубокие люди понимали: меняется мир, меняется Россия. Идет новое время, понять и принять которое было непросто. И чтобы Церковь в этом новом времени могла существовать как сильный и влиятельный институт, необходимо провести реформы. Прежде всего необходимо оживить приход, ибо к началу XX века православный приход признавался и церковными деятелями, и государственными мертвым, нежизнеспособным. Но реформировать приход — это значит начать и общую реформу тоже: изменить систему избрания священников, допустить активных

прихожан к участию в церковной жизни, к проверке финансовых дел в приходе и т. д.

Обсуждение это закончилось тем, что в разгар первой российской революции, в конце декабря 1905 года, святой император Николай II направил послание трем иерархам — первоприсутствующему члену Святейшего Синода митрополиту Антонию (Вадковскому, † 1912), митрополиту Киевскому Флавиану (Городецкому, † 1915) и митрополиту Московскому Владимиру (Богоявленскому, † 1918), в будущем священномученику, — с предложением подумать о созыве Собора. Вскоре было созвано Предсоборное Присутствие, проработавшее с марта до декабря 1906 года.

Однако изменившаяся политическая ситуация не позволила светским властям дать разрешение на созыв Собора, церковные иерархи в это время тоже перестали активно настаивать на его созыве. Вопрос был отложен *ad calendas Graecas*, практически так и не был решен.

Собор созвали в условиях революционных пертурбаций. То было не лучшее время для обсуждения церковных дел, ведь вся Россия бурлила. Но Собору все-таки удалось принять много важнейших решений, касавшихся монашества, приходской жизни, церковного управления, избрать Патриарха. Однако провести все эти реформы в жизнь возможности уже не было.

Поскольку в обществе уже преобладали революционные и антицерковные тенденции, получается, что все проекты Поместного Собора были оторваны от реальности?

Никто не мог представить тогда, что большевики пришли всерьез и надолго. Никто не мог представить себе их будущее богоборчество. Участники Собора были воспитаны в других традициях, они не знали того бытия, с которым им пришлось столкнуться вскоре. Никто не мог представить, как будут развиваться события после принятия декрета об отделении Церкви от государства и школы от Церкви.

Каковы уроки синодального периода?

Синодальный период дает нам возможность лучше понять, что такое самостоятельность Церкви; насколько церковное священноначалие может и должно прислушиваться к народу Божию, то есть к верующим; насколько важно понимать состояние общества в целом, зани-

Священномученик Владимир (Богоявленский), митрополит Антоний (Вадковский) и митрополит Флавиан (Городецкий)

маться религиозным просвещением, налаживать правильные отношения с государством. Государство не должно управлять церковной политикой, но должно уважать Церковь и в рамках существующего законодательства помогать ей осуществлять свою миссию по религиозному просвещению народа.

Как новый учебник может помочь усвоить эти уроки?

Учебник дает возможность понять основные процессы, которые происходили в Церкви, познакомиться с главными событиями, явлениями, фактами имперского периода. Цель книги — научить размышлять, дать возможность серьезно и вдумчиво изучить синодальную эпоху. Это изучение, на мой взгляд, позволит лучше разобраться в более глобальной теме, что такое русское христианское самосознание и как оно проявляло себя через историю Православной Церкви и в ее истории.

Беседовал диакон Александр ЧЕРЕПЕНИН